

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

От редакции. В № 11 за 1988 г. мы рассказали читателям о жизни и творчестве нашего замечательного соотечественника, оригинального и глубокого мыслителя Густава Густавовича Шпета. Сейчас мы вновь обращаемся к этой теме. Публикуемый ниже материал дает новую информацию о Г. Г. Шпете, о судьбе и обстоятельствах трагической гибели философа.

Всем, кто интересуется творчеством Шпета, сообщаем, что в начале апреля 1991 г. в Томске состоятся первые Шпетовские чтения на тему «Творческое наследие Г. Г. Шпета и современные гуманитарные исследования». Чтения организуются философским факультетом Томского университета. Вольным гуманитарным семинаром, Томскими отделениями Философского общества СССР и Советского фонда культуры. Адрес оргкомитета: 634010, г. Томск-10, пр. им. Ленина, 36, ТГУ, деканат философского факультета, члену оргкомитета «Шпетовские чтения-91» О. Г. Мазаевой. Телефон для справок (в Томске): 23-23-55.

О судьбе Г. Г. Шпета

Имя Томск появилось в моей жизни в раннем детстве. Из Томска приходили письма и посылки — в том числе и мне пятилетнему — с кедровыми орешками и лепешками жевательной смолки со свежим, горьковато-вяжущим, пронзительным вкусом, в Томск надолго уезжала мама. Я знал — в Томск сослан мой дед. Об этом не говорилось, но каким-то неосознанным детским чувством я знал, что это нечто страшное, грубо-насильственное. Потом перестали приходиться письма, никто больше в Томск не ездил. Мне ничего не объясняли, но я понял, что деда больше нет.

В течение многих последующих лет я постепенно узнавал, кто был мой дед и как сложилась его судьба.

Густав Густавович Шпет родился в Киеве 25 марта (7 апреля) 1879 г. В 1906 г. он окончил философское отделение Университета св. Владимира, где в эти годы читали кн. Евгений Трубецкой, С. Булгаков, Г. И. Челпанов. В семинаре Челпанова Шпет сформировался как философ. Из этого же семинара родились его первые опубликованные сочинения («Ответил ли Кант на сомнения Юма» и «Память в экспериментальной психологии»), написанные еще в студенческие годы.

В 1907 г. Г. И. Челпанов переезжает в Москву в связи с созданием Психологического института и приглашает в Москву Шпета. В 1907-1912 годах сверх ра-

боты в Психологическом институте Шпет читает курсы в гимназии Алферовой, на Высших женских курсах, в свободном Университете Шаняевского и в Московском университете. Летние семестры 1910 и 1911 годов он проводит в зарубежных университетах — в Англии, Париже, Германии. Наконец, в 1912—1913 годах он как бы заканчивает свою философскую школу у Гуссерля в Геттингене.

В 1914 г. Шпет выпускает книгу «Явление и смысл», излагающую феноменологию Гуссерля; в 1915-м, — небольшую монографию «Философское наследство П. Д. Юркевича» и в 1916-м — обширное исследование «История как проблема логики. Часть I», магистерскую диссертацию, защищенную в Московском университете.

К этому времени он приобрел имя в философии и репутацию блестящего лектора, эрудита, яростного и беспощадного спорщика и полемиста. У него сложились обширные знакомства в академической и литературно-художественной среде: Андрей Белый, Юргис Балтрушайтис, Франк, Гершензон, Шестов, Эрн, Качалов были его друзьями.

Начало века в России характеризовалось широким поворотом в академических и университетских кругах от позитивизма и материализма к философскому идеализму. Как раз Челпанов играл деятельную роль в этом повороте. Тем более замечательны слова этого прони-

нательного и осторожного философа, сказанные им еще в 1903 г. Тогда, на заседании, посвященном пятилетию его семинара в Университете св. Владимира, он заметил, что интерес и внимание к идеализму говорят скорей о личном доверии к тем писателям, которые его провозглашают, чем о серьезной готовности общества в целом изменить укоренившемуся у нас философскому позитивизму и разным формам философского материализма. «Впечатление такое,— говорит Челпанов,— как будто перед обществом поставлен настоятельный вопрос — где истина, в идеализме или в позитивизме? Но общество не готово к ответу. Еще не распахана та нива, на которой семя идеализма могло бы принести обильные плоды. Этим воспользуется позитивизм, чтобы удержать за собой господство». Вряд ли Челпанов мог догадываться, какими средствами позитивизм будет удерживать за собой господство! Но безымянная могила в Томске — свидетельство пророческой верности его слов.

В предисловии к «Истории как проблеме логики» Шпет пишет: «Мы вступали в университет, зачарованные радикализмом и простотой того решения исторической проблемы, которое обещал заманчивый тогда исторический материализм. Более углубленное изучение истории...наглядно обнаруживало ту бедность и ограниченность, которые вносились в науку кажущейся простотой его схем»¹.

Шпет наряду со многими представителями своего поколения участвовал в том повороте «от марксизма к идеализму», который в общем сознании связан прежде всего с именами авторов сборника «Вехи». Сам этот сборник, правда, вызвал у него скорей сдержанно-отрицательную реакцию. Но для этого были у него свои особые и не мировоззренческие причины. Шпет был против того, чтобы философия служила основанием идеологии. «Я, действительно, сторонник философии как знания, а не как морали, не как проповеди, не как мировоззрения»², — писал он. Поэтому тот нравственно-религиозный уклон, который анализ истории принял у этих авторов, Шпета как философа не мог удовлетворить.

Общая философская позиция Шпета может быть определена как рационализм, ищущий уразумения действительности в ее конкретной данности и полноте. Этой конкретности и полноты он не находил в популярном в России и в

Европе начала века неокантианстве. На его взгляд, у Канта и его последователей произошла подмена подлинно-данного логическими и формально-онтологическими абстракциями. Канта он рассматривал наряду с позитивистами как адепта и одного из творцов отрицательной («меонической») философии, а себя заявлял как реалиста и убежденного приверженца философии положительной.

Шпет с надеждой смотрел на свою эпоху. Он считал, что его время досрочно осознания задачи основной философской науки — «выкрыть единый смысл и единую интимную идею за всем многообразием проявлений и порывов творческого духа в его полном и действительном самоощущении». Он говорил о своем времени как «лучшем из когда-либо бывших», когда «безнадежное время изжито, материалистическая эра завершена»³. Это говорилось накануне войны, в 1914 г. Но через семь лет, в холодном и голодном 1921 г., Шпет открывает свою книгу «Очерк развития русской философии» эпиграфом из Овидия: *Prisca juvent alios, ego me nunc denique natum Gratulor.*⁴ («Пусть другие поют старину, я счастлив родиться ныне, и мне по душе время, в котором живу!» Пер. М. Гаспарова). В промежутке произошла революция. Шпет был изгнан из университета, потому что преподавание философии вообще прекратилось. Философия превратилась в идеологизированную деятельность, ничего общего с академической наукой не имеющую. Шпету было около сорока лет и, похоже, надо было бросать свое дело. Те, кому было пятьдесят, уходили на пенсию. Кому было тридцать, становились библиографами, переводчиками, статистиками. Но что было делать сорокалетнему профессору с учениками, книгами, именем?

Он мог, конечно, уехать из страны. Дважды в эти годы Шпету представлялась реальная перспектива эмиграции. Когда Литва стала самостоятельной, его старый друг Юргис Балтрушайтис приехал в Москву в качестве посла этой страны. Он предлагал Шпету — поляку по крови — литовское гражданство и паспорта для всей семьи. Второй раз это произошло, когда в 1922 г. выслали за границу большую группу русских профессоров, литераторов и общественных деятелей. В списках выслаемых фигурировало имя Шпета. Тогда он обратился к Луначарскому с ходатайством, чтобы его вычеркнули из списков, и его просьба была удовлетворена.

Подобно большей части русской интеллигенции, Шпет считал революцию морально и политически оправданной. Он чувствовал личную свою ответственность за судьбу русской культуры и

¹ «Философские исследования». Т. 1. Вып. 4. Киев, 1907. Отчет о деятельности Психологической семинарии при Университете св. Владимира за 1902—6 годы, с. 6 отдельной пагинации.

² Шпет Г. Г. История как проблема логики. Ч. 1. Материалы. М., 1916, с. III.

³ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии. Ч. 1. 1922, Пг., с. VIII.

⁴ Шпет Г. Г. Явление и смысл. М., 1914, с. 7.

⁵ Шпет Г. Г. Очерк развития русской философии, с. VII.

должен был — в соответствии со своим пониманием этой судьбы — для нее трудиться. Ему действительно удалось за последующие годы много сделать. В 1922 г. он выпустил книгу «Очерк развития русской философии. Часть I». Этот очерк охватывает только ранний период — до середины девятнадцатого века, но остается непревзойденным по объему охваченного материала и тщательности разбора. В трех выпусках «Эстетических фрагментов», в брошюрах, посвященных этнической психологии и искусствоведению, наконец, в монографии «Внутренняя форма слова» (1927) — последней опубликованной философской работе — он продолжает заниматься своей главной темой: анализом социального как одной из основных форм эмпирического бытия.

Еще в 1914 г., излагая в книге «Явление и смысл» феноменологию Гуссерля, Шпет отмечает, что этот род бытия упущен Гуссерлем в его классификации и это приводит к значительным деформациям самой системы феноменологии. «Именно исследование вопроса о природе социального бытия приводит к признанию игнорируемого до сих пор фактора, который только и делает познание тем, что оно *есть*, показывает, *как оно есть*», — пишет Шпет. История, язык, искусство, литература — все это стало для Шпета объектами исследования смысловой деятельности человека, проявлениями социального бытия.

Несомненное влияние философские идеи Шпета благодаря структуралистам оказали на развитие лингвистики и общей семиотики. Их влияние на многие другие области филологии и философий искусства не могло сказаться в основном из-за того, что эти области у нас вообще мало развивались.

Много внимания в эти годы Шпет уделяет общественной деятельности. Он участвует в работе Московского лингвистического кружка, где его идеи восприняты Р. Якобсоном, Г. Винокуром и другими участниками. Становится одним из членов правления Российского союза писателей, во главе которого стояли Б. Зайцев и Н. Бердяев, а после их отъезда — Б. Пильняк. Входит в Художественный совет МХАТ, а позже деятельно участвует в постановке «Дамы с камелиями» у Мейерхольда. В 1923 г. была создана Российская Академия Художественных наук (РАХН, позже ГАХН — Государственная), и Шпет фактически ее возглавил в качестве вице-президента (президентом был П. С. Коган — литературовед с дореволюционным марксистским стажем). Снова появились ученики, лекции, заседания семинаров.

Но все эти культурные начинания не пережили «года великого перелома». В результате «чистки» в 1929 г. Шпета убрали из ГАХН. Вскоре Академия пре-

кратила свое существование. Один только П. С. Коган, как лицо «номенклатурное», был переведен на другую руководящую должность — его назначили директором Музея игрушки. Надо было жить, и Шпет занялся переводами. В последующие пять лет он сотрудничает в разных издательствах — главным образом в Academia. Переводит Диккенса. Байрона. участвует в подготовке многоотомного научного издания Шекспира.

Газетная травля, начавшаяся еще раньше, продолжается и после разгона Академии. Шпет пытается всерьез отвечать и объясняться, но слова уже потеряли смысл, истина уже никого не интересует: «Не имеет никакого значения, как будет называться философия Шпета. Она насквозь проникнута самой реакционной мистикой, и вполне естественно, что в нашей современной идеологии она не может занимать никакого места. Философия Шпета должна быть решительно изгнана как идеология отжившего прошлого, затемняющая сознание трудящихся». Я думаю, что еще и сегодня многие не постеснялись бы подписаться под этими словами.

В 1915 г. Шпет написал очерк, посвященный П. Д. Юркевичу, проникнутый глубокой симпатией к этому русскому философу 60-х годов XIX века, гонимому и не понятому при жизни. Открывая этот очерк, Шпет пишет: «... на стороне Юркевича было знание, тонкое понимание, самостоятельная мысль, и боролся он за Истину не преходящую, а стоящую над временем. Если всего этого не было у его противников, то неужели нужно признать, что победили невежество, непонимание и интересы момента?» Затем Шпет задает второй вопрос: достаточно ли Юркевич понимал желания и нужды своего времени, «тот момент, в который ему пришлось жить и учить»? Да, отвечает он, «Юркевич знал, понимал и отдавал должное своему времени, но он был философом, а потому видел еще дальше...». Так и сам Шпет видел дальше, понимал больше и потому не мог вести себя иначе.

В марте 1935 г. Шпет был арестован. Сперва его пытались присоединить к известному «делу словарников», но связи его со словарниками оказались настолько не существующими, что НКВД был вынужден отделить Шпета вместе с сотрудниками бывшей ГАХН А. Г. Габричевским, М. А. Петровским и Б. И. Ярхо в отдельную «антисоветскую группу», которую, согласно материалам следствия, Шпет возглавлял, «сам того не сознавая»⁹. Этой формулировки оказалось довольно для приговора к пяти годам

⁷ «Литературная газета», 17 февраля 1930 г.

⁸ Шпет Г. Г. Философское наследство П. Д. Юркевича. М., 1915, с. 2.

⁹ Заявление Г. Г. Шпета в прокуратуру от 4 июня 1937. Семейный архив.

⁶ Шпет Г. Г. Явление и смысл, с. 129.

ссылки по статье 58, 10–11. Он был летом выслан в Енисейск, но уже в декабре ему разрешили перебраться в университетский город Томск. Ему была обещана работа по специальности. До университета его, правда, не допустили, но заключили с ним договор на перевод «Феноменологии духа» Гегеля. Этот перевод, сделанный в Томске, опубликован в 1959 г. в качестве IV тома сочинений Гегеля.

27 октября 1937 г. Шпет арестован вторично. Родным сообщили о стандартном в те годы приговоре: «десять лет без права переписки». Многочисленные просьбы во все инстанции о пересмотре дела оставались безрезультатными до 1956 г. В 1956 г. его вдова получила справку о том, что «дело прекращено за недоказанностью состава преступления», и фальшивое свидетельство о смерти в Томске в 1940 г. от воспаления легких.

Но в прошлом году Томское отделение общества «Мемориал» добилось в КГБ ознакомления с делом Шпета. По инициативе Вольного гуманитарного семинара, поддержанной «Мемориалом» и руководством университета, городские власти дали разрешение на установку мемориальной доски на доме, где в ссылке жил Шпет. Средства на изготовление доски собрали студенты гуманитарных факультетов.

Меня пригласили в Томск на открытие доски, которое состоялось 16 ноября 1989 г. Я приехал туда с дочерью Густава Густавовича Мариной Густавовной заранее и пошел в Томское управление КГБ с просьбой разрешить мне познакомиться с делом Г. Г. Шпета. На следующий день в специальной комнате в Комитете и в присутствии офицера ГБ я в течение четырех часов читал это «Дело № 12301 Томского НКВД по обвинению Шпета Г. Г. по ст. 58-2, 10, 11; начато 27 октября 1937 г.; окончено 2 ноября 1937 г.» Я мог делать любые выписки и многие части переписал дословно.

Дело производит впечатление документальной подлинности — все подшитые в нем документы пронумерованы без подчисток единой, не прерывающейся нумерацией.

Фотографии в деле нет — видимо, по тем напряженным временам от этой формальности отказались. Нет также никаких агентурных материалов (донов). Первый документ — это «справка на арест», следующий — дословно ее повторяющий «ордер на арест». Там уже сформулировано обвинение: принадлежность к офицерской кадетско-монархической повстанческой организации. Затем справка об обыске и изъятии. Замечательно, что не изъято ни писем, ни записок, ни рукописей (все это было в комнате Шпета и было потом отдано хозяйкой комнаты семье), но только удостоверение комендатуры НКВД с отметками каждые две недели. Эта бумажка тоже подшита в дело.

Потом идут протоколы допросов. Их два, и оба проведены в один и тот же день, 1 ноября 1937 г. Две странички первого допроса содержат только анкетные данные и сведения о том, с кем Шпет встречался в Томске: четыре человека — трое ссыльных из Москвы, один из них врач, наблюдавший Шпета, и томский профессор Н. И. Карташев, отдаленный знакомый, снявший для Шпета комнату в Томске. Под каждой страничкой характерная подпись: Г. Шпет.

Зато протокол второго допроса — шедевр доморощенного Кафки. Неторопливо и многословно, в ответ на краткие направляющие вопросы, подследственный рассказывает, как он вступил в «офицерскую кадетско-монархическую повстанческую организацию», какие были у нее цели (вооруженная борьба с Советской властью и насильственный захват власти в момент вооруженного нападения на СССР), какие применялись методы (контрреволюционная пропаганда и агитация среди рабочих и студентов Томского университета), какая структура организации (охватывающей всю Сибирь и руководимой из-за границы Российским Общевоинским Союзом). Какой пост должен был занять Шпет в случае победы в новом правительстве (руководить газетами и печатью). Интересно, что ради сокращения следователь пишет «совласть», но ни разу не позволяет себе сократить хоть на одно слово заклінательную формулу «офицерская кадетско-монархическая повстанческая организация». В деле пестрят «бывшие колчаковские офицеры», «бывшие протоиереи», «бывшие торговцы», которых Шпет якобы знал в Томске. Имена их возникают без подсказки следователя. Сам обвиняемый называется «бывшим коллежским асессором», а его подельник М. А. Петровский — «сыном коллежского асессора» (секрет прост: по «Табели о рангах» звание профессора приравнивалось к этому гражданскому чину). Опять под каждой страничкой стоит «записано с моих слов правильно», но на этот раз подпись малокультурным, невыработанным почерком с округлыми вместо прямых горизонтальными чертами, ничем, кроме краткости, не напоминающая подписи Шпета. Мне хочется надеяться, что он никогда даже не читал этого второго протокола.

На следующий день написано «обвинительное заключение», а потом (6/XI 1937) на осмьюшке листа слепой печатью «Решение тройки НКВД», где сказано, что гр. Шпет Г. Г., обвиняемый по статьям 58, 2–10-11, приговаривается к расстрелу. Решение не подписано, только «верно» и нечитаемая закорючка секретаря.

Тут я отвлёкся от Дела и спросил присутствующего офицера — а он несколько раз предлагал задавать ему вопросы, — что такое «тройка НКВД» и

чем она отличалась от особого совещания? Тройка, сказал он, обычно даже не собиралась, им просто приносили списки на подпись. А состояла она из первого секретаря обкома, руководителя областного НКВД и представителя прокуратуры. Значит, все секретари обкомов — потому что не было такой области, где не проходили аресты и расстрелы, — ежедневно, в порядке рутинной, не требующей внимания работы, своей подписью отправляли на тот свет им совершенно неизвестных и невинных людей. Все-таки это очень страшно, даже сейчас, через пятьдесят лет.

Последний документ в деле — это протокол о приведении приговора в исполнение от 16 ноября 1937 г. В те же дни, в том же Томске в протоколе о расстреле Николая Клюева указана дата 21—23 октября. Объяснение оказалось простым: приговаривали в те дни десятками, а тела расстрелянных надо было вывозить на пустырь за кладбищем; лошадь была одна, расстрел группы приговоренных растягивался на несколько дней. Пустырь назывался Каштак. Сейчас там завод и новостройки.

Вечером 15 ноября мы были приглашены в лютеранскую общину, где пастор Андрей Андреевич Мюллер отслужил заупокойную службу с проповедью о русском философе Густаве Шпете¹⁰, невинно убиенном в этом городе пятьдесят два года тому назад. Проповедь и служба велись по-немецки, потому что томская лютеранская община состоит главным образом из немцев.

На другой день, 16 ноября, была открыта памятная доска на двухэтажном рубленом доме на углу Колпашевского и Юрточного переулков. Собралось много народа, в числе прочих — прихожане из лютеранской общины, которым пастор вчера рассказывал о Шпете. Выступили декан исторического факультета Томского университета профессор Б. П. Тренин, соруководители Вольного гуманитарного семинара В. Н. Пойзнер, С. С. Божко и Н. В. Серебrenников и многие другие. Вечером все мы собрались в доме Б. Н. Пойзнера на поминки. Говорили о планах проведения регулярных «Шпетовских чтений» в Томске, об издании его материалов и статей о нем. Собралось человек тридцать томской университетской интеллигенции.

На следующий день было заседание Вольного гуманитарного семинара, на котором было рассказано о трудах и жизни Шпета, об обстоятельствах его гибели. В фойе аудитории университетской библиотеки была развернута небольшая выставка книг и фотографий Шпета. Народу было очень много. Так закончились «шпетовские дни» в Томске.

Имя Шпета долго находилось в каком-то затмении. Насколько я знаю, только двое его современников — Андрей Белый и Федор Степун — написали о нем в своих воспоминаниях, хотя я еще застал людей, оживлявшихся при упоминании его имени и рассказывавших о его талантах лектора, собеседника, мастера парадокса. Большая часть его современников не написала никаких мемуаров, а если и писали, то само имя Шпета оставалось колючим. Но причины затмения были не только политические. Мне известны две краткие заметки о философии Шпета в исторических трудах. Одна — это статья В. Ф. Асмуса в московской «Философской энциклопедии» (1970). Вторая принадлежит однокашнику Шпета протоиерею Василию Зеньковскому в его «Истории русской философии» (Париж, YMCA, 1950). Они удивительно похожи и сводятся к тому, что этот философ оказался сильнее в анализе и критике, чем в оригинальном творчестве. Долгое время о Шпете помнили только лингвисты. За последние полтора десятка лет в Европе и в Америке прошли конференции, посвященные Шпету, в Италии о нем пишется диссертация. Наконец, и у нас издан том его сочинений, появилась статья в «Литературной газете», в Томске установлена памятная доска и на апрель 1991 г. намечены «Шпетовские чтения». У нас происходит какая-то новая аккомодация зрения. Открываются новые горизонты. Когда фигура Шпета попала в фокус этого нового зрения, то границы его жизни и работы совместились. Из случайной жертвы случайных обстоятельств — потому что не можем же мы отнестись всерьез к «боевой» кадетско-монархической организации — Шпет превращается в свидетеля (μάρτυρος) примата свободной философской, — мысли над обстоятельствами эмпирического бытия. Поэтому и его судьба оказывается предметом для обсуждения на страницах «Вопросов философии».

¹⁰ Шпет был лютеранского вероисповедания.